
КОНЦЕССИОНЕРЫ И СОВЕТСКОЕ ТРУДОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ РАБОЧИХ В 1920-Е ГГ.

Т.В. Юдина

Волгоградский государственный университет
проспект Университетский, 100, Волгоград, Россия, 400062

Регулирование рабочего времени на концессиях СССР в 1920-е гг. являлось одним из основных вопросов «рабочей политики». Однако концессионеры увеличивали продолжительность рабочего дня, организовывали сверхурочные работы на предприятиях. Опираясь на архивный материал, автор статьи приходит к выводу, что нарушение советского трудового законодательства в вопросах соблюдения рабочего времени объяснялось недостаточным количеством квалифицированной отечественной рабочей силы.

В вопросах продолжительности рабочего дня, рабочей недели (рабочее время устанавливалось согласно статьям 94—102, 113, 134 и 136 Кодекса законов о труде) нарушения на концессионных предприятиях в 1920-е гг. отмечались, хотя и редко. При обследовании условий труда на руднике Дуэ сахалинской угольной концессии «Кита Карафуго Коогии Кабусики Кайся», например, «из разговоров с рабочими выясняется, что рабочее время в среднем выражается не менее 10 часов» (1), хотя по представляемым сведениям концессионера продолжительность рабочего дня составляла 8 часов. У японских погрузчиков рабочий день доходил до 20 часов. На «Мологолесе» концессионер не соблюдал режим рабочего дня: в 1924 г. рабочие трудились 12—16 часов в день (2).

На «Лена Гольдфильдс Лимитед» не соблюдались требования советского законодательства по продолжительности рабочего дня. «Для концессионера хорошо, когда старатель работает по 12 часов, но для нас (профсоюзов — Т.Ю.) это архискверно... если не будем говорить о рабочем времени, то мы не сможем завоевать того маленького авторитета, который нам необходим» (3). На этом концессионном предприятии «работы» делили на 3 категории. К первой категории относили работы, производящиеся сменами непрерывно круглый год, включая праздники и дни отдыха без остановки, ко второй — непрерывные работы, но с возможными периодическими остановками, к третьей — все остальные работы с перерывами в рабочий день, еженедельные дни отдыха и праздники.

Для подземных рабочих «Тетюхэ» — бурильщиков, проходчиков, забойщиков и крепильщиков — продолжительность рабочего дня составляла 7 часов, остальных — 8 часов.

Продолжительность рабочего дня, недели, сверхурочные работы, отпуска, дни отдыха на концессиях контролировались инспекцией труда и профессиональными союзами. Иностранные предприниматели не выставляли требований о предоставлении им «послабления» рабочего законодательства. Однако они не всегда соблюдали условия концессионных договоров по регулированию рабочего времени.

Наблюдались нарушения на тех концессиях, где вовремя не заключались коллективные договоры. «На Сахалине на нефтяной концессии, до заключения колдоговора, практиковался ненормированный рабочий день. Злоупотребляла сверхурочными работами и администрация Тетюхинской концессии... борьба со сверхурочными и вообще несоблюдением рабочего времени должна вестись в двух направлениях: с концессионной администрацией и с рабочими» (4).

Вопросам соблюдения Кодекса законов о труде достаточное внимание уделяли Народные комиссариаты труда и иностранных дел. Например, сотрудники Дальневосточного отдела Народного комиссариата иностранных дел Похвалинский и Колесников требовали от японских предпринимателей вывешивать на концессионных предприятиях Кодекс законов о труде и предоставлять месячные сведения о количестве рабочих и служащих.

Японский концессионер Ш. Шимада фактически отказывался от соблюдения советского трудового законодательства. В пространном письме от 22 июня 1925 г. уполномоченному Народного комиссариата по иностранным делам на Северном Сахалине Аболтину он пишет (приведем текст письма в подробном изложении, чтобы увидеть, как деликатно концессионер пытался обходить острые углы — Т.Ю.): «Не имея ни малейшего намерения вмешиваться с нашей стороны в Ваши внутренние дела, я тем не менее вынужден обратить Ваше серьезное внимание на то обстоятельство, что вопрос о том, применяется ли японским концессионером Закон о Труде или нет, является с самого начала переговоров между обеими сторонами по вопросу о концессиях одним из самых серьезных условий, на которое было обращено главное внимание японской стороны, а потому этот вопрос будет безусловно служить предметом обсуждения. Таким образом, по моему мнению, такой принципиальный вопрос, как о применении Закона о Труде японским концессионером, не может быть предрешен так просто, как путем применения объявления о вывешивании Кодекса Законов о Труде... о вывешивании законов и о статистических сведений о рабочих. Все эти правила в высшей степени касаются интересов будущих японских концессионеров, и было бы безусловно затруднительно применить их к японским каменно-угольным рудникам по западному побережью» (5).

Ответ Аболтина японскому концессионеру подразумевает неукоснительное соблюдение советского Кодекса законов о труде: «Я рассматриваю его (письмо — Т.Ю.) как направленное с целью обеспечения за японскими предпринимателями некоторых льгот... ни Договор 20/-25 г., ни его Протокол Б, ни обмен нот от 20/-25 г., ни Меморандум от 29.08.24 не дают все же основания к допущению этих льгот... в будущем все допустимые нашим законодательством льготы будут дружелюбно осуществляться» (6).

Советскими органами власти контролировалась продолжительность рабочей недели и дня. В 1927/1928 операционном году на всех концессиях обрабатывающей промышленности был введен 8-часовой рабочий день и обсуждался вопрос о переводе на 7-часовой рабочий день (7).

13 ноября 1928 г. СНК СССР принял секретное постановление о переводе концессионных предприятий на 7-часовой рабочий день. В 1928/1929 операцион-

ном году Главный концессионный комитет определил следующие концессионные предприятия к переводу на 7-часовой рабочий день: «Рагаз», «АСЕА», «Шарико-подшипник СКФ», «Ян Серковский», «Жесть-Вестен», «Триллинг», «Тифенбахер Кнопффабрик», «Симп», «Целлугал», «Ченстоховская фабрика». Сотрудники ГKK стали проводить переговоры с концессионерами (8).

В 1929 г. вопросу перевода предприятий «Лена Гольдфильдс Лимитед», «Тетюхэ», «Кита Карафуту Коогю Кабусики Кайся» и «Кита Карафуту Секио Кабусики Кайся» на 7-часовой рабочий день было посвящено секретное совещание при горно-металлургической секции ГKK. В соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР от 2 января 1929 г. одни концессионные предприятия должны были осуществлять перевод «с момента их пуска в ход», например дражные предприятия «Лена Гольдфильдс Лимитед», другие — «увязав с переходом аналогичных государственных предприятий», например, транспортные предприятия «Тетюхэ» и «Лена Гольдфильдс Лимитед», «Кита Карафуту Коогю Кабусики Кайся» и «Кита Карафуту Секио Кабусики Кайся» (9).

В 1929 г. на 7-часовой рабочий день предприятия «Тетюхэ», в 1930 г. — предприятия концессии «Лены Гольдфильдс Лимитед» переведены не были. На секретном совещании члены ГKK Файнштейн и Бернштейн, секретарь Правительственной комиссии Шарапов, представитель ЦК профсоюза горнорабочих Казаков вынесли постановление об отсрочке перевода на 7-часовой рабочий день предприятий, занятых на дражных работах до 1 августа 1930 г., хотя к этому времени значительное количество государственных предприятий перевод осуществили.

Причиной такого решения комиссии являлся недостаток квалифицированной рабочей силы, которую можно было обучить только после начала работы драги.

Особое внимание профессиональные организации уделяли работе накануне, в дни отдыха или праздников. Накануне праздника рабочий день сокращался, и, как правило, нарушений предпраздничного рабочего времени не наблюдалось. В дни праздников или отдыха профсоюзы требовали двойного размера оплаты за каждый проработанный час или предоставления другого выходного дня с условием оплаты дня отдыха как за будний день.

Профессиональные организации в приложениях к коллективным договорам настаивали на сокращении списка работ с ненормированным рабочим днем. В отдельном списке к договору центральные комитеты профсоюзов и администрации концессий помещали перечень рабочих мест с сокращенным рабочим днем. Например, на Зюзельском руднике, медеплавильном заводе, пароходстве «Лены Гольдфильдс Лимитед» для рабочих, добывающих руды и полезные ископаемые, судовых кочегаров, литейщиков и плавильщиков продолжительность рабочего дня составляла 6 часов, для лудильщиков — 7 часов (на пароходстве лудильщики работали 6 часов) (10).

Такая же продолжительность рабочего дня была предусмотрена для рабочих «Лео Дрезден» на плавке и прокатке свинца (11).

Администрация «Кита Карафутто Секио Кабусики Кайся» после заключения коллективного договора с Дальневосточным краевым комитетом профессионального союза рабочих горнодобывающей промышленности (необходимо уточнить, что концессионер имел разрешение ГКК на введение удлиненного рабочего дня, но только для «работ по междугородной электропроводке» — Т.Ю.) ввела с 1 июня по 1 октября 1928 г. 10-часовой рабочий день для сезонных и строительных рабочих. Данное решение вызвало резкое недовольство секретаря ЦК отраслевого профсоюза В. Хмары и заместителя заведующего тарифно-экономическим отделом ЦК И. Майзеля: «недопустимо ухудшение условий труда. Ни по одному договору мы не имеем такого резкого и недопустимого противоречия с законодательством» (12). Несмотря на это, рабочий день остался 10-часовым.

О начале и конце рабочего дня на предприятиях обычно оповещали гудками. Пропуск на работу осуществлялся с помощью номеров. У ряда профессий, например у кочегаров и машинистов, рабочий день начинался раньше, и время их работы устанавливалось администрацией концессионных предприятий по согласованию с профсоюзом. Излишне проработанное время считалось сверхурочной работой.

Категоричным было заявление центрального комитета профессионального союза деревообделочников по проведению сверхурочных работ концессионерами: «Дать директиву по союзной линии о жесткой борьбе со сверхурочными работами, на которые не получено разрешения в установленном порядке» (13). Основания для такого заявления имелись. На концессии «Мологолес» организация сверхурочных работ не согласовывалась с заводскими комитетами и органами охраны труда, расценочно-конфликтной комиссией; не производились записи в книге сверхурочных работ (14). Такие факты зафиксированы на лесопильном заводе № 1 1 и 6 июля, 13 августа, 8 сентября 1925 г. В вечернее и ночное время после 21 и 23 часов рабочие продолжали трудиться. На лесозаводе № 3 рабочий день продолжался на 30 минут больше положенного. Тем самым концессионер нарушал советское трудовое законодательство, постановление НК Труда (Народный комиссариат труда) о порядке производства сверхурочных работ и § 17 коллективного договора. При увольнении рабочие обращались в заводские комитеты, вышестоящие профсоюзные организации за «содействием в оплате тысячи сверхурочных часов» (15). Недобросовестно администрация «Мологолеса» относилась к оплате сверхурочных часов и служащим. Известен факт, когда конторщику лесопильного завода № 1 Иванову Ивану Алексеевичу, потребовавшему оплаты сверхурочных работ, дирекция предъявила ультиматум: или отказаться от выплаты, или получить ее и тут же уволиться (16). Опасаясь увольнения, И.А. Иванов отказался от своих требований.

Для производства сверхурочных работ, разрешаемых в исключительных случаях, недостаточно было только наличия материальных условий, предусмотренных ст. 104 КЗоТ, и специальных постановлений НК Труда. Необходимо также было соблюдение администрациями концессий требования примечания к ст. 104, то есть получение на производство сверхурочных работ санкции РКК и инспекции труда, предварительного согласования с местными отделами профессиональных союзов — губернскими и уездными. Но фактически сверхурочные работы произво-

дились на многих предприятиях, в том числе и государственных, без установленных КЗоТ материальных и формальных предпосылок (17).

Поэтому профессиональные союзы уделяли пристальное внимание сверхурочным работам на концессионных предприятиях. Например, на концессии «Руссголландлес» в коллективный договор, заключенный с 15 июля 1926 г. по 15 июля 1927 г., включили новый раздел «Сверхурочные работы и их оплата» (18).

Сверхурочные работы с письменного разрешения администрации в соответствии со статьями 60, 61, 103 и 108 Кодекса законов о труде за первые 2 часа оплачивались в полуторном размере, за последующие часы, впрочем, как и в праздничные дни и дни отдыха — в двойном. Оплата сверхурочных для рабочих с 8-часовым рабочим днем производилась на основе тарифных ставок для поврежденных работ или сдельных расценок при сдельной оплате.

На предприятии «Лена Гольдфильдс Лимитед» правилами внутреннего распорядка предусматривалось проведение сверхурочных работ по распоряжению администрации, с разрешения инспектора труда и по согласованию с профсоюзом, то есть в соответствии с Кодексом законов о труде (19). Но правила соблюдались не всегда. В письме заведующего тарифно-экономическим отделом ЦК профсоюза рабочих водного транспорта Быстрова и секретаря Матцкова Ленскому районному профессиональному комитету в г. Киренске сообщались замечания «на предмет исправления» по неоплате сверхурочных командам непаровых судов «Леной Гольдфильдс Лимитед» в течение 2 смен. Концессионер отказывался производить оплату из-за большего количества простоев. ЦК настаивал на установлении 8-часового рабочего дня и указывал: «если это невозможно, то нужно компенсировать сверхурочную работу надбавками, на таких же принципах, как и командам других судов», а также требовал в будущих договорах добиваться для рабочих получения перерасчета при увольнении без уважительной причины (20).

На «Тетюхэ» председатель рудничного комитета А. Самарин из бесед с рабочими выяснил, что в 1929 г. на концессии увеличилось число произвольных сверхурочных работ. Строительные рабочие рудника «Тетюхэ» обратились в комитет о введении нормального рабочего дня. Рабочие отказывались выполнять сверхурочные работы, и их поддержал рудничный комитет. Заместитель председателя рудничного комитета Кудрявцев считал, что «производство сверхурочных работ не нужно, ибо в ней занята большая часть чернорабочих». Но концессионер получил разрешение Владивостокского окружного комитета профессионального союза горнорабочих (21).

Такие разрешения от окружного и Дальневосточного краевого комитетов профсоюзов горнорабочих администрация «Тетюхэ» получала и в предыдущие годы, ссылаясь на отсутствие необходимой рабочей силы на рынке труда и срочность строительных работ. Возражения рудничного комитета и инспектора труда против проведения сверхурочных работ вышестоящими организациями во внимание не брались, впрочем, как и замечания центрального отраслевого комитета.

5 сентября 1929 г. было достигнуто соглашение председателя рудкома «Тетюхэ» А.Г. Самарина и представителя концессии Д.К. Робертс о введении удли-

ненного рабочего дня на 2 часа на каждого работника ежедневно, за исключением праздничных дней и дней отдыха. До 1 ноября 1929 г. 15 печников, 155 плотников, 57 каменщиков и штукатуров, 305 землекопов-чернорабочих, 2 жестянщика, 4 маляра, 1 стекольщик, 3 арматурщика, 2 старших рабочих, 10 десятников и 3 табельщика работали по удлинённому дню, не согласованному с РКК. Соглашения о сверхурочных работах и удлинении рабочего дня не было достигнуто на заседаниях расценочно-конфликтной комиссии еще 1 и 20 марта 1929 г.

Оценка действий рудкома по регулированию рабочего времени на строительных работах без участия расценочно-конфликтной комиссии центральным комитетом отраслевого профсоюза была резкой и категоричной: «соглашение не только является грубым нарушением КЗОТа и закона об условиях труда на строительных работах, но и представляет собой совершенное искажение и извращение задач профсоюзной работы на концессионных предприятиях... *низовая союзная ячейка не правомочна вообще на заключение договоров и соглашений, выходящих за пределы прав, предоставленных ей колдоговором* (курсив мой — Т.Ю.)» (22).

ЦК настаивал на том, что сверхурочные работы должны допускаться на концессионных предприятиях лишь в исключительных случаях: при окончании строительного сезона, раннем наступлении холодов, полном отсутствии на местном рынке труда безработных соответствующих квалификаций.

Комиссия ВСНХ, обследовавшая «Тетюхэ» в 1928 г., отмечала, что корпорация производит «сверхурочные в огромном размере без разрешения инспекции труда»: в 1927 г. сверхурочных было разрешено 12 656 час., фактически отработано 66 856 час., в I полугодии 1928 г. соответственно 8 832 и 17 196 час. В 1927 г. число сверхурочных на одного рабочего составляло 53,5 час., за первые 5 месяцев 1928 г. — 13,7 час. Снижение сверхурочных работ в 1928 г. произошло по объективным причинам: отсутствия строительных работ, а не в результате мер, принятых инспектором труда или рудничным комитетом. Инспекция недостаточно осуществляла контроль, а рудком «не имел достаточного авторитета у корпорации» и после указаний ЦК не вмешивался в производство сверхурочных работ на концессии. Комиссия ВСНХ продолжала требовать изучения вопроса и принятия мер к снижению сверхурочных работ (23).

Условия предоставления отпусков для рабочих и служащих, порядка их использования и компенсации на концессионных предприятиях устанавливались в соответствии с постановлениями правительства, кроме того, в соответствии с коллективными договорами, правилами внутреннего распорядка (24) и другими соглашениями концессионера и профсоюзных организаций. Все эти предписания и условия распространялись на весь коллектив рабочих и служащих концессионного предприятия. В отдельных параграфах концессионных договоров оговаривались законодательные документы, на основе которых регулировались условия труда концессионных работников (25).

Отпуска предоставлялись рабочим концессий согласно статьям 91, 114—120 КЗоТа и Правил НК Труда СССР «Об очередных и дополнительных отпусках» от 13 августа 1923 г. (26). Использование отпуска отмечалось администрациями концессий в расчетных книжках рабочих.

Дополнительные 2-недельные отпуска в соответствии с Кодексом законов о труде и Постановлением НК Труда № 379781 от 28 июня 1923 г. были предусмотрены рабочим определенных профессий.

На «Лена Гольдфильдс Лимитед» в соответствии с законодательной базой были определены дополнительные 2-недельные отпуска для рабочих с вредным характером производства: горновым, водопроводчикам, фурмовщикам, грузчикам, кочегарам, зольщикам, слесарям, дробильщикам, кузнецам, молотобойцам и подземным рабочим (десятьникам, забойщикам, бурильщикам, спускалям, стволовым, откатчикам, машинистам). Женщины и подростки на данные работы не допускались.

Дополнительный 2-недельный отпуск на предприятиях химической отрасли «Лена Гольдфильдс Лимитед» предоставляли горновым рабочим, газовщикам, аппаратчикам, слесарям, газогенераторщикам, заслонщикам, резчикам, квасильщикам, травильщикам, волочилщикам, литейщикам, завальщикам, шишельникам, земледелам, зольщикам, пилозубам, всего рабочим 45 профессий (27) (подсчитано мною — Т. Ю.).

Правом на дополнительный отпуск обладали рабочие водного транспорта концессии «Лена Гольдфильдс Лимитед»: рабочие чугуно-литейных цехов, которые производили литье не менее 3-х раз в неделю, кузнецы-молотобойцы, медники, котельщики и их подручные, постоянные рабочие мукомольных мельниц, ассенизаторы, подростки моложе 18 лет, котлочисты, машинисты и их помощники, масленщики и кочегары паровых судов (28).

В 1927 г. администрацией «Тетюхэ» был предоставлен 2-недельный отпуск 545 рабочим, 4-недельный — 695, дополнительный — 151 и 51 рабочему выдана компенсация вместо очередных отпусков. Сверх установленного списка НК Труда профессий, имеющих право на дополнительный отпуск, профсоюз горнорабочих добился предоставления дополнительных отпусков растворщикам, запальщикам, подземным десятникам, штейгерам и кузнецам Камчатской штольни. Дополнительные отпуска в 1927 г. были предоставлены и за 1926 г., но не всем рабочим, что вызывало их недовольство. Не смогли заключить дополнительное соглашение инспекция труда и рудничный комитет по увеличению продолжительности дополнительного отпуска с 2-х до 4-х недель крепильщикам, проходчикам, путевым ремонтным рабочим, не вошедшим в список НК Труда (29).

Очередные отпуска предоставлялись рабочим в соответствии с законодательством: так, правом на 2-недельный отпуск в течение года имел концессионный рабочий, проработавший не менее 5,5 мес., и только на «Дерулюфте» в соответствии с § 23 генерального коллективного договора рабочему, прослужившему на предприятии не менее 5,5 месяцев, предоставлялся очередной 4-недельный отпуск (30).

На концессионной фабрике «Лео Дрезден» в соответствии с § 39 коллективного договора рабочий с 11-месячным трудовым стажем получал 3-недельный отпуск. Подросткам, не достигшим 18 лет, продолжительность очередного отпуска была на 2 недели больше указанного в § 39. Право на дополнительный 2-недель-

ный отпуск имели рабочие, занятые на плавке и прокатке свинца, просевке порошка и насыпки, варке и замеси косметики, и работницы тубочного отделения (31).

Рабочим концессионной фабрики «Лео Дрезден», у которых стаж работы в календарном году был менее 5,5 месяцев, администрация предлагала компенсацию пропорционально отработанному времени или в следующем календарном году их отпуск пропорционально удлинялся к положенному полному отпуску. Такие правила действовали и в отношении дополнительных отпусков. Ежедневно рабочим в пределах их рабочего дня представлялось 45 минут для подготовки машин в порядок и мытья рук. 42-часовой непрерывный еженедельный отдых предусматривался для рабочих с 13.00 в субботу до 7.00 понедельника (32).

На гвоздильно-колодочной фабрике «Торговый дом Г.Б. Раабе» 2-недельный отпуск предоставлялся рабочим, проработавшим 5,5 месяцев; 4-недельный — рабочим, не достигшим 18 лет; дополнительный 2-недельный — занятым на вредных производствах; дополнительный недельный — работающим на ленточных пилах. Увольняющимся рабочим ранее срока, дающего право на отпуск, концессионер выплачивал компенсацию за неиспользованный отпуск в размере 5% средней месячной заработной платы за каждый проработанный месяц. Компенсация за неиспользованный дополнительный отпуск была такой же (33).

Администрация «Руссголландлеса» не только выполняла законодательство о труде, но и брала повышенные обязательства по отпускам. К очередному отпуску гарантировала 2-недельный дополнительный отпуск пилоставам, подточикам, кузнецам, молотобойцам и кочегарам. Подросткам отпуска предоставляли в удобное для них время с 15 мая по 1 октября (34).

На отдельных концессиях администрации пытались уменьшать продолжительность отпусков. Так, концессионер «Кита Карафутто Коогйо Кабусики Кайся» при перезаключении коллективного договора настаивал на сокращении срока очередных отпусков рабочим с 3 до 2-х недель (35).

При увольнениях рабочим, не использовавшим отпуска, выдавалась компенсация из расчета $\frac{1}{24}$ средней заработной платы, получаемой к моменту увольнения за каждый проработанный месяц.

На каждом концессионном предприятии в соответствии со статьями 50—55 Кодекса законов о труде разрабатывались правила внутреннего распорядка (36). В них подробно описывались рабочее время, отпуск, праздничные дни, санитарные условия, порядок соблюдения дисциплины рабочими. К правилам прилагалась табель взысканий за нарушения, составленный РКК. Правила утверждались концессионером, членами расценочно-конфликтной комиссии и инспектором труда. Изменения или дополнения к правилам вступали в силу после согласования с профессиональным союзом, утверждения инспекцией труда и объявления рабочим (путем вывешивания правил на предприятии). Взыскания к рабочим и служащим применялись в соответствии с правилами внутреннего распорядка.

На концессии «Лена Гольдфильдс Лимитед» 54 пунктами правил внутреннего распорядка описывались рабочее время, явка и уход с работы, порядок и вы-

полнение работы, правила безопасности и гигиены, выплата заработной платы рабочим и служащим предприятия (37).

На концессии «Мологолес» повседневную жизнь рабочих регламентировали «Правила внутреннего распорядка на Пестовском лесопильном заводе (№ 3 — Т.Ю.)» и «Табель взысканий, налагаемых РКК за нарушения правил внутреннего распорядка». Документы, состоявшие из 56 пунктов, были утверждены совещанием расценочно-конфликтной комиссии при Череповецком подрайкоме профессионального союза рабочих-деревообделочников 21 мая 1925 г. (38). Первые 15 пунктов правил посвящены рабочему времени, отпуску, праздничным дням. Содержание 34—39 пунктов настраивали рабочих на соблюдение трудовой дисциплины и изучение правил.

Правила внутреннего распорядка соблюдались не всеми работниками концессии, поэтому рабочих и служащих знакомили с табелем взыскания по невыполнению правил.

В таблице взысканий «Мологолеса» предусматривались следующие меры наказания: предупреждение, выговор, увольнение. Опоздание свыше 5-ти минут, систематическое «опаздывание подряд 5 раз», прогульный день в месяц, самовольная отлучка, оставление работы до прихода смены без уведомления администрации и «спанье во время работы» считались нарушениями правил внутреннего распорядка.

На «Лена Гольдфильдс Лимитед» за нарушения правил внутреннего распорядка в зависимости от тяжести проступка администрация объявляла выговоры в цеху или отделе, на заводе с извещением заводского комитета или областного комитета профессионального союза или увольняла провинившегося (39).

За несвоевременную, без уважительных причин, явку на работу и преждевременное прекращение работы в течение месяца от 1 до 3 раз объявляли провинившемуся выговор в цеху, от 4 до 6 раз — выговор по заводу с извещением заводского и областного комитетов профессионального союза рабочих химической промышленности, свыше 6 раз — увольнение. За 1—2-разовый (в месяц) самовольный уход с работы взыскания были строже: выговоры, за 3-й уход — увольнение, и соответственно, неоплата прогульного времени. Также заводоуправление совместно с профессиональным союзом в цехах вывешивали список работ, по которым уходы были недопустимы под угрозой увольнения.

Объявляли выговоры или увольняли с работы за прогулы, незаконные отказы от работы, отказы от выполнения сверхурочной работы, предусмотренной правилами внутреннего распорядка или коллективным договором. Нарушивших правила увольняли без оплаты выходного пособия и без предупреждения за 2 недели о предполагаемом увольнении.

Автору статьи не удалось выявить архивные документы, освещающие деятельность расценочно-конфликтных комиссий и профсоюзов по отношению к конкретным нарушителям правил внутреннего распорядка, но, тем не менее, описанные меры, применяемые к нарушителям, свидетельствовали о несоблюдении трудовой дисциплины советских рабочих на концессионных предприятиях.

В «Правилах внутреннего распорядка» фабрики «Лео Дрезден» в 5 разделах, 37 параграфах работникам рассказывалось об их рабочем времени, получении, хранении и обращении с машинами, мерах предосторожности, порядке выдачи зарплаты и необходимости соблюдения ими трудовой дисциплины и санитарных условий (40).

Рабочий день на предприятиях «Лео Дрезден» обычно начинался в 7 часов утра и заканчивался в 4 часа дня с обеденным перерывом с 11 часов до 12 часов. Опоздания рабочих фиксировались в специальной «книге запаздывания» (опозданием считалось появление на работу после 8 часов 10 минут, то есть через 1 час 10 минут после начала рабочего дня — *Т.Ю.*). Время опоздания не оплачивалось. Опоздавшие по уважительной причине допускались немедленно на работу, остальные — не допускались к работе в течение половины рабочего дня. Если рабочий, не имея увольнительных записок или оправдательных документов, не являлся на работу в течение 3-х дней подряд или 6 дней с промежутками в течение месяца, он мог быть уволен.

Рабочим запрещалось во время работы без разрешения мастера перемещаться из одного отделения в другое (таким правом обладали только административно-технический персонал и члены фабзавкома — *Т.Ю.*), вести разговоры, являться в нетрезвом виде на работу, приносить с собой алкогольные напитки, оставаться в рабочих помещениях через 15 минут после окончания работ.

Уважительными причинами для рабочих, не вышедших на работу, считались: заболевание, удостоверенное врачом; болезнь членов семьи, зафиксированная врачом и требовавшая ухода; карантин; наличие повестки в судебные и следственные органы, милицию или военкомат; стихийные бедствия, например пожар, наводнение, снежные заносы.

На всех концессионных предприятиях советские органы власти требовали от администраций наличия правил внутреннего трудового распорядка, соблюдения 8-часового рабочего дня для всех рабочих с обязательным еженедельным отдыхом, сокращенного рабочего дня накануне дней отдыха и во вредных производствах, составления штатного расписания на русском языке, вывешивания на видных местах Кодекса законов о труде на русском и иностранных языках.

Законы о труде Советской России, обязательные для концессионеров, дополнялись не менее обязательным выполнением правовых гарантий и льгот рабочим, улучшающим их условия труда. Продолжительность рабочего времени на концессионных предприятиях регулировались советским законодательством, коллективными договорами.

Концессионеры «Тетюхэ», «Лена Гольдфильдс Лимитед», «Мологолес», «Кита Карафуто Коогии Кабусики Кайся», «Кита Карафуто Секио Кабусики Кайся», «Руссголландлес», «Русснорвеголес», «Руссанглолес» «Дерулюфт», «Лео Дрезден», «Торговый дом Бринер и К», «Гаммер», «Целлугал», подвергаясь постоянному контролю советских органов, обследовались по разным вопросам жизнедеятельности предприятий технической и рабочей инспекциями труда, профсоюзными органами, правительственными комиссиями. Выявляемые нарушения

по продолжительности рабочего времени проверяющими объяснялись капиталистической сущностью предпринимателей, их стремлением к эксплуатации рабочей силы.

Всесторонний и взвешенный анализ деятельности предпринимателей по продолжительности и регулированию рабочего времени на концессионных предприятиях позволил автору статьи преодолеть политизированные выводы государственных, партийных и профсоюзных органов и исследователей советского времени. Архивные материалы подтверждают, что увеличение продолжительности рабочего дня, введение сверхурочных работ в большинстве случаев было связано с недостаточным количеством квалифицированной отечественной силы, завышенными требованиями советских органов в производственных планах и программах иностранным предпринимателям, а не игнорированием концессионерами советского трудового законодательства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) ГА РФ. — Ф. 5459. — Оп. 6. — Д. 281. — Л. 43.
- (2) Там же. — Ф. 5467. — Оп. 8. — Д. 129. — Л. 85—86, 110.
- (3) Там же. — Ф. 5459. — Оп. 10. — Д. 301. — Л. 27.
- (4) Работа союза горнорабочих СССР на концессионных предприятиях. — М., 1926. — С. 45, 49—50.
- (5) ГА РФ. — Ф. 5459. — Оп. 6. — Д. 167. — Л. 1—3.
- (6) Там же. — Л. 4—5.
- (7) Иностранные концессии в СССР (1920—1930 гг.): документы и материалы / Серия «Отечественный опыт концессий» / Под ред. проф. М.М. Загоруйко. — М., 2005. — Т. II. — С. 546.
- (8) См.: Там же. — С. 492—493.
- (9) ГА РФ. — Ф. 5459. — Оп. 10. — Д. 304. — Л. 46—46 об.
- (10) Там же. — Оп. 9. — Д. 308. — Л. 42—42 об.; Ф. 5470. — Оп. 10. — Д. 93. — Л. 62 об., 69; Ф. 5455. — Оп. 10. — Д. 145. — Л. 71; Оп. 9. — Д. 123. — Л. 55.
- (11) Там же. — Ф. 5470. — Оп. 10. — Д. 93. — Л. 230.
- (12) Там же. — Ф. 5459. — Оп. 9. — Д. 312. — Л. 42, 43, 43 об.
- (13) Там же. — Ф. 5467. — Оп. 8. — Д. 129. — Л. 6.
- (14) Там же. — Д. 141. — Л. 70 об.
- (15) Там же. — Ф. 5467. — Оп. 8. — Д. 129. — Л. 21, 22; Д. 141. — Л. 45, 46 об.
- (16) Там же. — Д. 141. — Л. 110.
- (17) *Троицкий И.* К вопросу об оплате сверхурочной работы (Из судебной практики по трудовым делам) // Революционная законность. — 1926. — № 15—18. — С. 100.
- (18) ГА РФ. — Ф. 5467. — Оп. 8. — Д. 136. — Л. 94—95.
- (19) Там же. — Ф. 5470. — Оп. 10. — Д. 93. — Л. 82 об.
- (20) Там же. — Ф. 5455. — Оп. 9. — Д. 123. — Л. 61—61 об.
- (21) Там же. — Ф. 5459. — Оп. 10. — Д. 304. — Л. 363, 160.
- (22) Там же. — Л. 183, 181 об., 176, 159, 157, 161—161 об.
- (23) Там же. — Л. 95 об. — 94, 85 об.
- (24) Там же. — Ф. 5467. — Оп. 8. — Д. 141. — Л. 132 об.—134.
- (25) ГА РФ. — Ф. 5459. — Оп. 10. — Д. 304. — Л. 458.
- (26) Там же. — Д. 298. — Л. 28.
- (27) Там же. — Л. 193—194.

- (28) Там же. — Ф. 5470. — Оп. 10. — Д. 93. — Л. 76—77, 193—194; Ф. 5455. — Оп. 10. — Д. 145. — Л. 75, 60; Оп. 9. — Д. 123. — Л. 45.
- (29) Там же. — Ф. 5459. — Оп. 10. — Д. 304. — Л. 94 об., 85 об.
- (30) Там же. — Ф. 5454. — Оп. 8. — Д. 117. — Л. 5.
- (31) Там же. — Ф. 5470. — Оп. 10. — Д. 93. — Л. 224, 224 об., 233.
- (32) Там же. — Л. 224 об.
- (33) Там же. — Ф. 5467. — Оп. 9. — Д. 131. — Л. 32.
- (34) Там же. — Оп. 8. — Д. 136. — Л. 96.
- (35) Там же. — Ф. 5459. — Оп. 9. — Д. 312. — Л. 65.
- (36) Там же. — Ф. 5470. — Оп. 10. — Д. 93. — Л. 57 об.
- (37) Там же. — Л. 82—85 об.
- (38) Там же. — Ф. 5467. — Оп. 8. — Д. 141. — Л. 134.
- (39) Там же. — Ф. 5470. — Оп. 10. — Д. 93. — Л. 80—81.
- (40) Там же. — Л. 228—229.

**CONCESSIONERS
AND SOVIET LABOR LEGISLATION:
LOYALTY OF LABOR IN 1920S**

T.V. Yudina

Volgograd State University
University Ave., 100, Volgograd, Russia, 400062

The regulation of working time at the USSR concessions of 1920s became one of the main themes of «working politics». However, concessioners were increasing the duration of working day, were organizing overtime work at enterprises. Rely on the archive material the author of the article makes conclusions that the offence against Soviet labor legislation about observing working time was due to scarcity of qualified Soviet working force.